

Правовая (юридическая) память: проблема определения и соотношения с иными правовыми понятиями¹

Ю. А. Зеленин¹, А. А. Васильев²

Алтайский государственный университет

пр-кт Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹uri-zelenin@yandex.ru, ²anton_vasiliev@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемы определения понятия «правовая память» и его места в категориально-понятийном аппарате юридической науки. Авторы приходят к выводу, что в отечественной юридической науке нет общепризнанного определения понятия «правовая память» (схожие понятия «социально-правовая память» и «юридическая память» используются реже). Ее чаще всего определяют через такие понятия, как «правовая традиция», «правовая преемственность», «правовой опыт», и считают частью социальной или коллективной памяти, правовой культуры и правовой практики.

Ключевые слова: правовая память, социально-правовая память, юридическая память, правовая традиция, правовая культура.

Legal Memory: the Problem of Definition and Correlation with Other Legal Concepts

Yu. A. Zelenin¹, A. A. Vasiliev²

Altai State University

68 Socialisticheskyy st., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹uri-zelenin@yandex.ru, ²anton_vasiliev@mail.ru

The article covers the study of the problem of defining the concept of “legal memory” and its place in the nomenclature of legal science. The authors come to the conclusion that in the domestic legal science there is no universally recognized definition of the concept of “legal memory” (similar concepts of “socio-legal memory” and “judicial memory” are used less frequently). It is most often defined through such concepts as “legal tradition”, “legal continuity”, “legal experience” and is considered part of social or collective memory, legal culture and legal practice.

Key words: legal memory, socio-legal memory, legal tradition, legal culture, legal experience.

Memory studies является относительно современным и достаточно модным междисциплинарным направлением в гуманитарных науках. Обычно считается, что это направление научных исследований на стыке истории, философии, политологии, социологии и культурологии. Хотя проблемы политики памяти и законодательного вмешательства лежали практически на поверхности, правоведы, по крайней мере, в России, поздно включились в этот процесс. Одной из проблем, которая стоит перед юридической наукой и, прежде всего, перед теорией государства и права, является проблема интеграции и адаптации новых понятий в уже сложившийся категориально-понятийный аппарат. Это в том числе касается такого понятия, как «правовая память», и таких тесно с ним связанных понятий, как «юридическая память» [см., напр.: Иванский, Ковалев 2019] и «социально-правовая память» [см., напр.: Шаповалов, Халиулин 2020]. Следует подчеркнуть, что само понятие памяти проблематично и его определение зависит от сферы научного исследования. Как точно отметила Ю. А. Сафронова, единственным сходством между многочисленными дисциплинами, исследующими память, «заключается в разнообразии и неопределенности толкований изучаемого феномена» [Сафронова 2019: 14]. Количество понятий, связанных с памятью, в естественных

¹ «Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01416 «Мемориальное право и политика памяти: теоретико-правовые аспекты» <https://rscf.ru/project/24-28-01416/>».

науках и социогуманитарных науках исчисляется сотнями. Э. Тулвинг, экспериментальный психолог из Канады, известный своими исследованиями эпизодической памяти, в 2007 г. составил, с немалой долей иронии и скепсиса, список из 256 типов памяти, включив туда, помимо прочих, понятия, не характеризующие индивидуальную память человека – историческую, коллективную, культурную, политическую, архивную и социальную память [Tulving 2011]. Однако он не обратил внимания еще на один (257-й по счету и явно не последний¹) вид памяти – правовой (legal memory). Следует также отметить, что понятие legal memory не является каким-то абсолютно новым понятием для английского юридического языка, в отличие от русского, и использовалось еще в XIII веке в Англии в общем праве в значении периода времени, обычно устанавливаемого законом для того, чтобы существующий в течение этого времени обычай приобрел силу закона или чтобы поведение, продолжавшееся в течение этого времени, стало основанием для возникновения права или статуса [Merriam-Webster 2024].

Одним из первых в социогуманитарных науках термин правовая (юридическая) память (legal memory, memory of law) как составную часть коллективной памяти стал использовать известный французский социолог М. Хальбвакс. Он неразрывно связывал понятие «правовая память» с понятием «правовое пространство»: «Обычно мы задумываемся о своих обязательствах в отношении общественного порядка только тогда, когда нарушаем их или испытываем желание нарушить. Тогда едва ли найдется часть пространства, занимаемая обществом, установившим эти законы, где мы не чувствовали бы себя не в своей тарелке, словно опасаясь навлечь на себя репрессии или осуждение. Но даже когда мы находимся в рамках закона, правовое мышление все равно присутствует, распространяясь по земле. Древние никогда не отделяли свое представление о городе от воспоминаний о его законах. Даже сегодня, когда мы путешествуем из своей страны в чужую, у нас есть очень отчетливое ощущение перехода из одной правовой зоны в другую, потому что линия, разделяющая их, физически обозначена на земле» [Halbwachs 1980: 144]. К. Кэмпбелл, развивая идеи М. Хальбвакса, считает, что правовая память (legal memory) как разновидность коллективной памяти является переходным объектом (transitional object), который соединяет индивидуальный и коллективный миры. Правовая память носит одновременно и физический (имеет материальную форму) и символический (имеет значение и ценность) характер [Campbell 2013: 254]. Он предлагает определенные мемориальные практики, которые могут сохранить правовую память как живую память, а не как мертвый архив. Это свойство правовой памяти – связывать индивидуальный и коллективный миры – может, по его мнению, например, способствовать переходу от войны к миру [Campbell 2013: 256].

Другие авторы связывают понятие «правовая память» не с коллективной, а с социальной памятью. Так, юридический аспект социальной памяти еще в конце XIX в. изучал американский социолог Ф. Г. Гиддингс. Базовым понятием он считает понятие «общественное сознание» (или общественный разум). Он трактует его так: «чувство или мысль, возникающая в одно и то же время во всех индивидах, или распространяющаяся от одного к другому по всему собранию или обществу» [Гиддингс 2012: 143]. Он выделяет три стадии формирования общественного сознания: социальное самосознание (то есть общественное мнение, которое в идеальном состоянии представляет из себя «суждение самосознающего общества о каком-либо предмете общего интереса»); социальную память, определяемую им через традицию; и социальные ценности [Гиддингс 2012: 146].

Остановимся подробнее на понимании им социальной памяти и ее видов. Социальная память и традиция выступают у него как синонимы. Он определяет социальную память (традицию) как накопленный опыт прошлого, ставший общим достоянием всех индивидов, т. е. интеграцию общественного мнения многих поколений, включающую в себя все отношения, идеи и образы, которые возникли бессознательно, но потом были сознательно определены и запомнены благодаря своей действительной полезности [Гиддингс 2012: 150]. Он выделяет три типа социальной памяти (три порядка традиций) по времени их появления и важности для общества, которые в свою очередь делятся на определенные виды традиции:

- первичную («собрание опытов осязаемого мира»), включающую в себя экономическую, юридическую и политическую традицию;
- вторичную («собрание впечатлений мира неосязаемого»), состоящую из личных, эстетических и религиозных традиций;
- третичную («собрание понятий и мира»), составленную из теологических, метафизических и научных традиций [Гиддингс 2012: 150-151].

Юридическая традиция (jural tradition) или традиция терпимости (tradition of toleration), «возникающая из отношений друг к другу равных» и «действительным узаконением которой является месть», является второй по важности после экономической традиции («традиции полезности»). По сути, под юридической традицией (памятью) он понимает совокупность норм сначала обычного, а потом позитивного права, составляющие из себя содержание общего права (common law). Обе эти традиции определенным образом создают и усиливают политическую традицию («традицию союза»). Мотивом политической организации является «желание усилить традиции полезности и терпимости принудительной силой и расширить их приложение» [Гиддингс 2012: 152]. Ф. Г. Гиддингс считает, что зачатки первичных традиций, в особенности экономической, встречаются даже у социальных животных, в отличие от вторичных традиций, которые есть только в человеческих сообществах [Гиддингс 2012: 152]. Таким образом, для Ф. Г. Гиддингса «юридическая традиция/память» является частью социальной памяти, которая является в свою очередь неотъемлемой частью общественного сознания.

¹ При желании и наличии навыка поиска в интернете можно еще обнаружить экономическую, организационную, кибер-память и пр.

Одним из первых понятие «правовая память» в отечественной юридической науке стал применять О. Ю. Рыбаков. Он отметил новизну использования понятия «правовая память» для российской теории права и подчеркнул, что оно имеет как минимум три толкования: «Во-первых, оно означает преемственность в нормативно-правовых актах. Во-вторых, это преемственность государственно-правовых теорий. В-третьих, правовая память предполагает наличие норм, моделей, образцов правовой культуры, сознания, поведения различных субъектов общественной деятельности, передаваемых из поколения в поколение» [Рыбаков 2003: 181]. Исходя из того, что первые два значения входят в третье, исследователь считает память частью правовой культуры [Рыбаков 2003: 181], сам О. Ю. Рыбаков придерживается третьего толкования понятия «правовая память». Также он предлагает свою собственную типологию правовой памяти:

- первый тип – это «правовая историческая память», «основа преемственности норм и ценностей правовой жизни в перспективе исторического генезиса», выступающая преимущественно «как информационная система»;
- второй тип – «статистическая правовая память» – это «последовательное и обязательное отражение событий прошлого», «...своеобразный вид архива, статистического центра, склада правовой информации»;
- третий тип – «хронологическая правовая память», в которой «историческое и статистическое измерения правовой памяти дополняются ее временными (хронологическими) характеристиками», «хронологичность» уточняет, классифицирует прошлое, настоящее, способствует выстраиванию прогнозов юридического будущего» [Рыбаков 2003: 183-186].

Следует отметить, что О. Ю. Рыбаков связывает понятие правовой памяти с «правовым пространством», что свидетельствует о знании трудов М. Хальбвакса и возможном заимствовании этих терминов у него [Рыбаков 2003: 183]. Также он предлагает в дополнение к понятию «правовая память» понятие «правовая амнезия» (правовое беспомыслие) [Рыбаков 2003: 187].

Л. И. Честнов определяет правовую память как коллективную память о юридически значимом прошлом [Честнов 2020: 143]. Кроме тавтологичности данного определения вызывают недоумение и другие положения автора. Так, рассматривая правовую память как часть коллективной памяти [Честнов 2020: 145], он в то же время активно использует термины «историческая память» и «культурная память», не раскрывая, что он под ними понимает и как они соотносятся друг с другом. Также в тексте встречаются такие термины и выражения, как «правовая коллективная память», «диалогичность коллективной и индивидуальной правовой памяти», «коллективная память о прошлом в сфере права», «историческая правовая память», что тоже не добавляет ясности [Честнов 2020: 143, 148].

В. Н. Карташов определяет социально-правовую память как «внешне выраженный юридический опыт социальных групп, классов, наций, человечества» [Карташов 2019: 10]. Термин «социально-правовая память» В. Н. Карташов использует для разграничения юридического опыта личности и объективированного, внешне выраженного юридического опыта. Позитивный юридический опыт (социально-правовая память) является важнейшим компонентом юридической практики, которая в ее положительном проявлении является частью правовой культуры. Данный юридический опыт (социально-правовая память) как комплекс образцов наиболее целесообразных, грамотных и полезных юридических решений составляет статику юридической культуры: «Без социально-правовой памяти невозможно эффективное правотворчество и толкование, конкретизация и правоприменение, восполнение юридических пробелов и эффективное правовое регулирование общественных отношений в целом» [Карташов 2019: 32]. Но помимо позитивной социально-правовой памяти существует также негативная социально-правовая память, которая в свою очередь является важнейшей составной частью юридической антикультуры и «представляет собой комплекс «образцов» неграмотных, нецелесообразных, бесполезных и вредных антиправовых решений». Он подчеркивает, что не только для позитивного юридического опыта и правовой культуры в целом, но и для негативного юридического опыта как части юридической антикультуры «характерны устойчивые тенденции и «стремления» к преемственности и наследию, юридической аккультурации и экспансии», что проявляется, к примеру, в российской обществе в виде юридического нигилизма и фетишизма (идеализма) [Карташов 2019: 54]. Следует особо подчеркнуть последовательность и логичность использования В. Н. Карташовым понятия «социально-правовая память», занимающего определенное место в стройной категориально-понятийной системе, выработанной автором.

Термин «социально-правовая память» используют также и другие авторы. Например, А. А. Шаповалов и В. Е. Халиулин рассматривают систему права в качестве особой разновидности социально-правовой памяти, выражающейся в трех измерениях: системе права как информационной системе, в которой происходит сохранение, осмысление и воспроизведение знаний об общеобязательных, формально определенных правилах поведения; системе права как институциональной системе, которая транслирует ограничительные рамки, организующие взаимоотношения между людьми и во многом объясняющие мотивы действий ее субъектов; системе права как целенаправленном процессе деятельности субъектов по сохранению, поддержанию норм права, а также контролю за их исполнением [Шаповалов, Халиулин 2020: 130-131]. Хотя из содержания анализируемой статьи не до конца ясно, как соотносятся понятия «система права» и «социально-правовая память» и что частью чего является: то ли система права – это разновидность социально-правовой памяти, то ли социально-правовая память – это специфический механизм фиксации и передачи информации о системе права? Также авторы подчеркивают, что с понятием социально-правовой памяти тесно связано понятие юридического опыта: «Это опыт, который сохранен в социально-правовой памяти общества и выражен в форме юридических знаний, накопленных в ходе исторического развития общества на основе фиксации, преобразования, упорядочивания, сохранения, трансляции и воспроизведения данных личного юридического опыта» [Шаповалов, Халиулин 2020: 133].

П. П. Ланг определяет правовую память как «образное отражение сущностных историко-правовых начал,

преемственности и ценностей, связывающих судьбы и жизни поколений под воздействием права, на нормативно-правовой основе» [Ланг 2022: 14]. Он связывает понятие правовой памяти с понятием правовой реальности: «Представляется важным для характеристики правовой реальности обращение к изучению правовой памяти, поскольку именно она делает возможным установление корреляционной связи между языком, текстом, речью в качестве базовых компонентов культуры настоящего и прошлого. Правовая память сосредотачивает в себе устоявшиеся традиции, обычаи, образцы поведения, стереотипы мышления и тому подобное. При этом очевидна важность аксиологической составляющей, поскольку вне ценностей все озвученное не может быть соединено в единое смысловое образование, в правовую память. Основой социоклада в сфере правовой преемственности является иерархия ценностей, сформированная в социуме» [Ланг 2022: 14].

К сторонникам «номиналистического» подхода к пониманию правовой памяти можно отнести А. В. Погодина. Он считает, что сознанием и памятью обладает только конкретный индивид, а не все общество или социальная группа, и связывает понятие «правовая память» только с индивидуальным сознанием/памятью. Так, по его мнению, правовая память – это один из элементов структуры развитого полноценного правосознания правореализатора наряду с категорическим нравственным императивом; рациональным правовым мышлением; сильной, разумной и контролируемой волей, правовой интуицией и т. д. Под правовой памятью он понимает совокупность системного социально-правового знания и эмоционально-чувственного опыта, формирующихся в результате социализации конкретной личности [Погодин 2017: 357].

Таким образом, в отечественной юридической науке нет общепризнанного определения понятия правовой памяти (схожие понятия «социально-правовая память» и «юридическая память» используются реже). Ее чаще всего определяют через такие понятия, как «правовая традиция», «правовая преемственность», «правовой опыт», и считают частью социальной или коллективной памяти, правовой культуры и правовой практики. В рамках данной обзорной статьи авторы не ставили перед собой задачи дать свое определение понятия «правовая память». Можно считать эту статью приглашением к дискуссии с учетом все возрастающего интереса отечественных правоведов к memory studies.

Литература

- Гиддингс Ф. Г. Основания социологии: Анализ явлений ассоциации и социальной организации. Изд. 3-е. М., 2012.
- Иванский В. П., Ковалев С. И. Роль философии рациональности в правовых исследованиях (часть I) / Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. - 2019. - №1. - С. 48-61.
- Карташов В. Н. Юридическая культура, антикультура и юридическая ответственность: монография. Ярославль, 2019.
- Ланг П. П. Правовая реальность: философско-правовой анализ / Юридический вестник Самарского университета. - 2022. - Т. 8. - №. 2. - С.11-17.
- Погодин А. В. Правосознание субъекта правореализации / Проблемы теории права и правореализации: учебник / Отв. ред. Л.Т. Бакулина. М., 2017.
- Рыбаков О. Ю. Личность и правовая политика в Российском государстве. Саратов, 2003.
- Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб., 2019.
- Честнов Л. И. Коллективная память в историко-правовой науке / Юридические формы переживания истории: практики и пределы. СПб., 2020. С.142-147.
- Шаповалов А. А., Халиулин В. Е. Система права как особая разновидность социально-правовой памяти / Правовая политика и правовая жизнь. - 2020. - № 1. - С.130-131.
- Campbell K. The laws of memory: the ICTY, the archive, and transitional justice / Social&Legal Studies. - 2013. - Т. 22. - №. 2. -pp.247-269.
- Legal memory / Merriam-Webster. 2024.URL.: <https://www.merriam-webster.com/legal/legal%20memory>
- Halbwachs M. The Collective Memory. New York, 1980.
- Tulving E. Are there 256 different kinds of memory? / The foundations of remembering. - Psychology Press, 2011. - pp. 39-52.

References

- Campbell, K. (2013). The laws of memory: the ICTY, the archive, and transitional justice. *Social & Legal Studies*, 22 (2), 247-269.
- Chestnov, L. I. (2020). Collective memory in historico-legal science. *Legal forms of experiencing history: practices and limits*. Saint Petersburg, 142-147 (in Russian).
- Giddings, F. G. (2012). *Foundations of Sociology: An Analysis of the Phenomena of Association and Social Organization*. 3rd ed. Moscow (in Russian).
- Halbwachs, M. (1980). *The Collective Memory*. New York.
- Ivansky, V. P., Kovalev, S. I. (2019). Role of the philosophy of rationality in legal research (part I). *Vestnik RUDN. Series: Legal Sciences*, 1, 48-61 (in Russian).
- Kartashov, V. N. (2019). *Legal culture, anti-culture and legal responsibility: a monograph*. Yaroslavl (in Russian).

- Lang, P. P. (2022). Legal reality: philosophical and legal analysis. *Legal Bulletin of Samara University*, 8 (2), 11-17 (in Russian).
- Legal memory (2024). Merriam-Webster. URL.: <https://www.merriam-webster.com/legal/legal%20memory>
- Pogodin, A.V. (2017). Pravosoconsciousness of the subject of law enforcement. *Problems of the theory of law and law enforcement: textbook*. Moscow (in Russian).
- Rybakov, O. Yu. (2003). *Personality and legal policy in the Russian state*. Saratov (in Russian).
- Safronova, Y. A. (2019). *Historical memory: introduction: textbook*. St. Petersburg (in Russian).
- Shapovalov, A. A., Khaliulin, V. E. (2020). The system of law as a special kind of socio-legal memory. *Legal Policy and Legal Life*, 1, 130-131 (in Russian).
- Tulving, E. (2011). Are there 256 different kinds of memory? *The foundations of remembering*, 39-52.
-

Citation:

Васильев А. А., Зеленин Ю. А. Правовая (юридическая) память: проблема определения и соотношения с иными правовыми понятиями // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 58-62.

Vasiliev A. A., Zelenin Yu. A. (2024) Legal Memory: the Problem of Definition and Correlation with Other Legal Concepts. *Legal Linguistics*, 34, 58-62.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
